

**Ермолин Михаил Александрович**

помощник заместителя председателя  
Шестого арбитражного апелляционного суда

## **ОСОБЕННОСТИ И СОСТАВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ**

---

**Аннотация:**

*В статье на основании результатов эмпирического исследования рассматривается отношение населения к социальным группам, занимающим доминирующее положение в пространстве Хабаровского края. Автор показывает, что наиболее значимой элитной группой в крае выступает политическая элита, объединенная вокруг фигуры губернатора. Тем не менее данные опроса свидетельствуют о том, что региональные элитные группы сегодня испытывают серьезные сложности.*

**Ключевые слова:**

*региональная элита, политическая элита, население, социальная функция, доверие.*

---

**Ermolin Mikhail Aleksandrovich**

Assistant Deputy Presiding Judge,  
The Sixth Commercial Appeal Court

## **FEATURES AND COMPOSITION OF THE POLITICAL ELITE OF THE KHABAROVSK TERRITORY**

---

**Summary:**

*Basing upon the empirical research the article examines public opinion on dominant social groups of the Khabarovsk Territory. The author shows that the most important elite group in the province is the political elite grouping around the governor. However, the survey data show that the regional elites today are experiencing serious difficulties.*

**Keywords:**

*regional elite, political elite, population, social function, confidence.*

---

Элитные группы в обществе, в том числе в региональном сообществе, существуют объективно, поскольку контролируют социально-политическую и хозяйственную жизнь общества [1], определяют и поддерживают правила общежития и т. д. Однако элитой, то есть социальным образцом и основой для вынесения ценностного суждения по социально значимым вопросам, их делает сообщество, то сообщество, элитой которого они являются. В первую очередь это относится к региональной элите, чья особая роль связана прежде всего с ее местной, территориальной легитимностью. Современная региональная элита переживает достаточно сложный период становления. Если в 90-е гг. ее роль была определяющей, то в последующем она неуклонно снижалась, а задачи, поставленные перед региональной элитой, размывались, становились все более неопределенными.

Основанием для описания структуры элиты выступает экспертное интервьюирование (12 интервью с бывшими и нынешними работниками администрации края и мэрии городов, предпринимателей), в ходе которого была поставлена задача – уточнить некоторые положения, не вполне ясные исходя из результатов опроса. Главным образом, это вопросы, касающиеся форм рекрутирования в состав элиты и организации межэлитной коммуникации. Дополнительным материалом для анализа структуры современной политической элиты Хабаровского края выступает анализ материалов региональной прессы.

Наиболее влиятельным представителем элиты, прежде всего политической, в опросе выступает губернатор края. Он же, по мнению респондентов, в наибольшей мере влияет на ситуацию в крае. При этом губернатор – это именно должность, а не персоналия. В ходе интервью постоянно возникала тема «серых кардиналов» при правительстве края. Однако структурное влияние, очевидно, исходит от должности.

Опросы предшествующего периода, проведенные Дальневосточным институтом социально-политических исследований (ДВИСПИ) под руководством И.Ф. Ярулина, фиксируют уровень доверия и влияния губернатора на уровне 68–70 %. В сравнении с этим показатели действующего губернатора, конечно, существенно ниже. Но стоит иметь в виду, что задачи и возможности у губернаторов 90-х гг. и губернаторов новой генерации качественно различаются. Раньше губернатор был полновластным распорядителем на территории, самостоятельно осуществлял все внешние контакты с политическими и значительной частью хозяйственных акторов. Этот момент отражен и в экспертном интервью:

*«Ишаев, если какой-нибудь олигарх хотел зайти на территорию, всегда был только “за”. Но ставил ему жесткие условия. Ты, мил человек, хочешь использовать ресурсы края или порты? Нет проблем. Но тогда плати в краевой бюджет, отремонтируй дороги, школы построй, жилье отремонтируй для людей. Так и выстраивал отношения. Со всеми. И чаще всего*

*шли на его условия. А куда им было деваться?»* (мужчина, 54 года, образование высшее, бывший высокопоставленный чиновник краевого уровня).

Из приведенного отрывка очевидно господствующее положение губернатора на данной территории даже для хозяйствующего субъекта федерального уровня. Он принимает на себя риски внешних контактов, получая от них все выгоды и распределяя их уже от своего имени.

Сегодня ситуация иная, поставлены иные задачи. Это видно из следующего интервью:

*«Думаю, что сегодня губернатор вполне справляется со своими задачами. Можно даже сказать, что хорошо справляется. По показателям край выглядит вполне на уровне. Конечно, не идеально, но ведь и ресурсов у нас намного меньше, чем, скажем, в Приморье. Кстати, не только показатели. Вот деньги выделили на жилье для подтопленцев. Все построено. Если где были факты коррупции, все наказаны. Думаю, вряд ли кто-то в этих условиях смог бы работать»* (мужчина, 21 год, работник правительства края).

Здесь достоинства главы правительства края выглядят совершенно по-другому. Он может выполнить поставленную задачу, содержит в порядке отчетность и соответствует ожиданиям инстанции, находящейся за пределами края. Иными словами, в первом случае речь идет о принципе, во втором – об агенте с минимальным уровнем самостоятельности. Тем не менее именно этот агент выступает центральным элементом социального поля региональной элиты, ключевым звеном политической элиты края.

К центру политической элиты вполне могут быть отнесены мэры крупнейших городов, в которых сосредоточен основной промышленный, образовательный и научный потенциал края. Вместе со своими командами эти акторы составляют ядро политической структуры края. При том что институциональные механизмы взаимодействия между региональной и муниципальной группами краевой политической элиты отсутствуют, неформальные каналы коммуникации, базирующиеся на общем прошлом, в том числе советском, продолжают действовать.

Но, в отличие от консолидированной, пусть и не всегда добровольно, элиты прошлого, современная краевая политическая элита вступает в отношения не только солидарности, но и конкуренции. Конкурентными становятся, по крайней мере становились до недавнего прошлого, отношения при определении краевых лидеров основных политических партий. При выборах в краевую думу, особенно в комитеты, связанные с распределением финансовых ресурсов, эта конкуренция становится особенно острой.

Как показывают результаты и опроса, и интервью, все больше на периферию пространства элиты оттесняются руководители СМИ и ректоры вузов. Они остаются в пространстве региональной элиты, но перемещаются все дальше от центра. Их политический вес снижается. То есть у конкретного ректора он может и сохраниться, но это связано не с его статусом, а с какими-то дополнительными параметрами – скажем, его положением в господствующей партии, статусом депутата, участием в работе значимого подразделения краевого правительства или внешними связями. Сходным образом определяется политический вес представителей науки и творческой сферы, руководителей НИИ и учреждений культуры.

Особым выглядит положение городских (муниципальных) организаций и служб: горводоканала, электросетей, генерирующей компании и т. д. В принципе, это важные хозяйствующие субъекты, осуществляющие жизнеобеспечение крупных населенных пунктов. В условиях падения политической и электоральной активности населения муниципальные предприятия представляют собой значимый политический ресурс, а их руководители неизбежно оказываются в ближнем круге политической элиты краевого уровня.

Сложнее положение краевых лидеров политических партий. Учитывая, что в крае сегодня представлен практически весь спектр политических партий страны – от «коммунистов России» до «либертарианской партии России» – влияние их, однако, совершенно ничтожно. В большей части партий, по экспертной оценке, полученной в трех интервью, списочная и реальная численность участников расходятся. А «партийная работа» активизируется преимущественно в период выборов или приезда столичного руководителя партии.

Определенное влияние продолжают оказывать парламентские партии. Но здесь тоже сложилось специфическое положение. Как правило, руководителем парламентской партии, особенно Всероссийской политической партии «Единая Россия», выступает представитель политического окружения губернатора или иного актора из ядра политической элиты. Причем сам этот персонаж в большинстве своем имеет субдоминантную позицию. В результате партия из самостоятельного актора на поле элиты превращается в один из периферийных и служебных феноменов по организации взаимодействия между различными группами элиты внутри региона и за его пределами.

Еще дальше на периферии поля политической элиты располагаются представители различных общественных организаций – от «Опоры» до «Союза промышленников и предпринимателей». Их вес определяется факультативными факторами, прежде всего значимостью их руководителя, однако в целом он не значителен, а само положение этих организаций маргинально.

Не стал значимой силой в социальном поле политической элиты края и Общероссийский народный фронт (ОНФ). При том что значимость ОНФ в качестве элемента политической структуры и социальной группы «политическая элита» официально декларируется, ни в одном интервью, ни в одном ответе на открытый вопрос этот актор не всплывал, как не были упомянуты и люди, его представляющие.

Не упоминались в интервью или опросе и лица творческих профессий (музыканты, актеры, литераторы). Даже руководители учреждений культуры не были отнесены к элите. Лишь в одном интервью, взятом в 2013 г., упоминался Н.И. Рубан, директор краеведческого музея. На периферии политической элиты расположились и руководители учреждений среднего и специального образования:

*«Учителя – это не серьезно. То есть как бы они, конечно, важны. Там праздник организовать, явку, массовость. Но они никак не элита. Даже если это директор. Вы бы видели, как он перед любым инспектором, любым главспецом по струнке вытягивается. Элита, блин»* (мужчина, 43 года, работник краевого правительства).

Пожалуй, самой сложной и раздробленной предстает группа хозяйствующих субъектов, основу которой в прежний период составлял «губернаторский картель» [2], а персональный состав определялся «комсомольским бизнесом» и директорским корпусом. Вполне понятно, что в последние годы этот состав пополнялся из самых разных социальных групп: от рабочих до криминальных личностей, от бывших военнослужащих до бывших ученых. Но костяк группы сохранился.

Однако резкое изменение социальной позиции губернатора, исчезновение условий для «губернаторского хозяйства» привели к трансформации и этой сферы. «Губернаторские» предприятия как особая группа остались, но смысл их деятельности радикально изменился. Если «губернаторский картель» 90-х гг. – это группа предприятий, которым обеспечены особенно благоприятные условия для работы и которые в ответ наполняют официальные и неофициальные фонды краевого правительства, частично несут издержки социальной политики, то есть «кормят» и политическую элиту, и край, выступают покупателями услуг, предоставляемых региональным административным рынком, то в новых условиях смысл и состав «губернаторской» группы меняются:

*«Ты же понимаешь, что и мой бизнес, и С. (общий знакомый – прим. интервьюера) связан с бюджетом. Есть в бюджете деньги, у нас есть заказы. Нет? Мы лапу сосать будем. Мы от бюджета жестко зависим, поэтому нам как-то возбудить нет смысла»* (мужчина, 57 лет, предприниматель).

Это исполнители заказа и, соответственно, получатели бюджетных денег. Бюджетное финансирование в 2000-е гг. – наиболее надежный и стабильный источник притока денежных средств. Для малых и частично для средних предприятий, которые сегодня составляют «губернаторское хозяйство», наличие такого финансирования означает уверенность в стабильном росте. При всем том, что этот бизнес в совокупности совсем не маленький, его масштаб не идет ни в какое сравнение с бизнесом 90-х гг. Соответственно, достаточно скромной оказывается и роль, которую этот бизнес играет в структуре региональной политической элиты. По существу, он оказывается в положении обслуживающего персонала региональной элиты, мало чем отличаясь от иных обслуживающих групп. Отличие можно усмотреть в группе компаний, существующих под контролем мэрии – Хабаровск АИТ, «Стройсистема». Это примеры достаточно крупного в масштабах региона бизнеса. Однако в современных условиях перехода управления городским хозяйством к сити-менеджеру эта ситуация, скорее, осколок прошлого, реликт. О чем свидетельствует и опыт соседней губернской столицы – Владивостока, где мэрия лишилась права распределять земельные участки под строительство и ряда других полномочий, несмотря на сильные позиции мэра Владивостока в структуре приморской элиты.

Часть представителей бизнеса, лишившись поддержки власти, просто свернули свою деятельность или «ушли в тень». Но значительная часть сменила покровительство прежнего «хозяина» на покровительство нового, уже федерального уровня, вошла во Всероссийские вертикально-интегрированные компании. При этом частично сменилось руководство, но бизнес в основном уцелел. Примером подобной стратегии может стать вхождение завода имени Гагарина (КНААПО) в структуру холдинга «Сухой».

*«Ну, завод Гагарина – это наше все. Правда, к краю он уже имеет косвенное отношение. Так, по традиции помогает городу. Какие-то мультиэффекты дает. Но это, как сказать, добрая воля. Комсомольск ему еще важен. А край уже не очень. Тут все делается через знакомых, через старых друзей»* (мужчина, 46 лет, предприниматель).

Эти хозяйствующие субъекты в новых условиях в минимальной степени зависимы от региональных элит. Обладая собственными выходами в столичные коридоры власти, они перестают нуждаться в региональной власти, соответственно, выпадают из структуры региональных элит. Понятно, что местный руководитель при желании способен создать серьезные проблемы для предприятия, расположенного на «его» территории, потому разрыв с местным элитным сообществом не акцентируется, но из коммуникации эта группа исчезает.

*«А мне все они зачем? Я, чтобы этот контракт получить, знаешь, сколько раз печенью поработал, не говоря уже о материальном стимулировании процесса (смеется). Теперь все проблемы решаются напрямую с Москвой. Ни Хабаровск, ни Владивосток мне уже не нужны»* (мужчина, 52 года, предприниматель).

Местный же бизнес, не связанный с тем или иным бюджетом, нуждается в услугах губернатора, но оказывается не в состоянии оплатить эти услуги, даже в форме выплаты легитимно назначаемых налогов. В результате местные предприниматели вынуждены большую часть деятельности осуществлять вне «легального пространства», сохраняя базовые хозяйственные практики 90-х гг. Вполне понятно, что эти бизнесмены никак не соотносятся с региональной элитой, тем более политической, скорее, осознанно дистанцируются от этой группы.

Особое место в структуре современных региональных элит занимают силовики. Сегодня их подчинение не предполагает включения в региональные элиты. Однако структурные подразделения силовых и контролирующих органов активно действуют на территории, в том числе контролируя высший слой администрации, включая губернатора. При этом формализованные контакты между ними и местными элитами, в силу того что они являются представителями федерального уровня власти, не устанавливаются.

Местные представители федеральных органов власти (полиция, налоговая служба, казначейство и многие другие), строго говоря, не выступают самостоятельными участниками региональных социальных процессов. Уже со второй половины 2000-х гг. контроль над ними усиливается, а возможность самостоятельных решений уменьшается:

*«Мы к нему (сотруднику силовых органов) несколько раз обращались. Причем не что-то крупное. Так, по мелочи. Он реально ничего не может. У них сейчас такая система, что шаг в сторону – побег, прыжок на месте – провокация. Смысл с ним общаться?»* (мужчина, 57 лет, предприниматель).

То есть какие-то неформальные основания для коммуникации здесь, безусловно, остаются. Но снижение возможностей региональных элит по участию в обмене уменьшает и заинтересованность силовиков и контролеров в организации коммуникации. В результате они не столько входят в состав региональной элиты, сколько осуществляют контроль над ней, делая принятие социально значимых самостоятельных решений губернатором крайне затруднительным. К этой группе акторов можно отнести и аппарат полномочного представителя президента, и Министерство по развитию Дальнего Востока.

Так или иначе, в региональном поле элиты присутствуют и иные акторы, не являясь представителями этого слоя, но контролируя его, снижая возможности развития связей с местным сообществом.

#### **Ссылки:**

1. Бурдые П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика. М., 1999. С. 18–36.
2. Bliakher L. The Regional Barons // Russian Politics and Law. 2013. Vol. 51. Issue 4. P. 30–39.

#### **References:**

1. Bourdieu, P 1999, 'Spirit State: genesis and structure of the bureaucratic field', *The Poetics and Politics*, Moscow, pp. 18-36.
2. Bliakher, L 2013, 'The Regional Barons', *Russian Politics and Law*, vol. 51, issue 4, pp. 30-39.